

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
3-68

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается

*Серийное оформление — Ольга Жукова
Иллюстрация на обложке — Руслан Баранаскас*

Злотников, Роман Валерьевич.

3-68 РУИГАТ. Рождение. Прыжок. Схватка : [романы] / Роман Злотников. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 640 с. — (Коллекция лучшей фантастики).

ISBN 978-5-17-118508-4

Сколько людей нужно, чтобы изменить судьбу целой цивилизации?

Что такое насилие — пережиток темного прошлого или важный ресурс, без которого человечеству не обойтись?

Могут ли смертельные враги, воины отчаянно сражающихся армий, перестать быть врагами?

Есть ли среди этих вопросов хоть один, который волнует и вас?

Если есть — читайте фантастический цикл Романа Злотникова «Руигат». Впервые три романа в одном томе!

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-118508-4

© Р. Злотников, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

**Руигат.
Рождение**

ПРОЛОГ

«Ковш» еще не остановился окончательно, а Ши Ориентал уже упруго выпрыгнул из него и огляделся. Да, здесь ничего не изменилось. Широкая мраморная лестница, взбегавшая от весьма небольшой парковки для «ковшей» (Учитель не очень любил, когда его тревожили посетители), выводила на просторную, отделанную ониксом и пластолистом террасу, на которой росли десятки деревьев, причудливо сплетались ветвями, образуя над каменной площадкой живой, трепещущий, но от этого служащий не менее надежной защитой от дождя и ярких лучей светила полог. Ориентал прикрыл глаза и втянул носом воздух. Да, все так же — ноздри почувствовали запахи онулы и лиолля, разбавленные горьковатыми тонами имелы и едва заметным сладковатым дурманом шои... Запах гармонии, запах спокойствия, запах мудрости, запах, сразу показывающий любому приблизившемуся к этой иуэле, что он вступает в место обитания одного из величайших умов современности. И Ши внезапно снова почувствовал себя юным учеником, только что сдавшим экзамены на третью ступень Самостоятельного и рискнувшим отправить Просьбу самому Алому Бенюлю, титану научной мысли Киолы, который уже лет двадцать отказывается брать Ученика и вообще исповедует замкнутый тип общения с обществом. Впрочем, для девяти Цветных это было не столь уж необычно. Кроме Алого, так же вели себя еще трое. При том объеме Общественной благодарности, какой находился в распоряжении каждого из Цветных, все необходимое им — приборы, агрегаты и даже материалы сопутствующих исследований — можно было заказывать на стороне. Так что острой потребности в формировании собственного большого исследовательского коллектива ни один из Цветных не испытывал. И наличие либо отсутствие такового было личным выбором каждого, отражением его внутрен-

них запросов. Четверо, в том числе и Алый Беноль, предпочитали творить в одиночестве.

— Ученик... я на морской террасе, — прошелестел в воздухе голос Учителя. Ну да, деревья террасы уже сообщили ему все о том, кто решил нарушить столь любимое им уединение. Все, в том числе и то, в каком психологическом состоянии пребывает посетитель. Ши даже во времена ученичества не тешил себя иллюзией относительно того, что в иуэле Алого Беноля растут обычные, никак не модифицированные деревья.

Оиентал радостно улыбнулся и упругим шагом двинулся вверх по ступеням.

Расположение залов и лабораторий иуэлы, которую построил для Алого Беноля один из величайших архитекторов современной Киолы Таой Ауэл, Оиентал знал наизусть. Ну еще бы, он провел здесь десять лет. Счастливейших лет. Поэтому до морской террасы добрался быстро.

Иуэла Учителя находилась на скале над Термическим заливом Савиэнского моря — с морской террасы открывался захватывающий вид на морской простор. Ши притормозил, впитал взглядом давно не виданную, но такую знакомую картину — море, облака, Две Подружки (так назывались две близко расположенные скалы, соприкасавшиеся верхушками, отчего они казались двумя девушками, склонившими друг к другу головки, чтобы посекретничать), а затем ступил на лазуритовую мозаику террасы.

Учитель сидел на своем любимом месте — широком ложе из пурпурного квириана, твердая каменная основа которого, как помнил Оиентал, была покрыта теплым отростком ковеоля того же пурпурного цвета. У него самого был такой же, правда, не пурпурный, а желто-оранжевый. Эти псевдоживые конструкции, а скорее даже создания-эмпаты, способны были не только поддерживать мозаичную температуру своей поверхности, подогревая или, наоборот, охлаждая разные ее фрагменты, соприкасающиеся с разными частями тела, но и с помощью ворса осуществлять вентиляцию нужных участков кожи и легкий массаж. Поэтому их использовали все, кто завел себе собственное жилище. Но ковеолю Учителя было уже более сорока лет, и за это время он не только изучил малейшие оттенки желаний хозяина, а также его самых близких и частых гостей (хотя в отношении гостей Алого Беноля слово «частых» звучало диссонансом), но и пронизал всю иуэлу тысячами отростков. Так что в любом, даже самом дальнем уголке иуэлы всегда можно было рассчитывать на его теплую заботу... С обеих сторон ложа склоняли ветви два роскошных лиоля.

Ши подошел поближе и остановился, ожидая, пока Учитель обратит на него внимание.

— Присядь, Ученик, — тихо сказал Беноль, и Ши осторожно опустил на край ковчеоля, который тут же зашевелился под ним, подгоняя свою толщину, конфигурацию, температуру, степень мягкости и упругости под новый объект.

Учитель некоторое время молчал. Похоже, Ши прибыл в самом конце сеанса медитации. Большинство обычно совершают ее либо рано утром, либо поздно вечером, но, возможно, Учитель размышлял над какой-то трудной и важной проблемой, вследствие чего ему потребовалось подпитать себя дополнительной энергией в середине дня. Судя по тому, что Учитель почти сразу отреагировал на появление гостя, Беноль уже вышел из состояния полной концентрации, но его неподвижность и отстраненность позволяли предположить, что его дух и сознание еще не окончательно покинули океан сияющего луэ и он пока не полностью вернулся в «твердый» мир. При таких условиях начинать разговор не было смысла, и Ши оставалось лишь сидеть, любуясь окружающей его гармонией и ожидая, когда Учитель наконец соизволит обратиться к нему. То, что Альый Беноль не только впустил его в иуэлу до полного выхода из состояния медитации, но и позволил ему войти в место медитации, да еще и присесть рядом, наполняло сердце Ши радостью и гордостью. Ибо это означало, что Учитель по-прежнему считает его, Ученика, уже двадцать лет как ушедшего из этого дома и начавшего выстраивать самостоятельную жизнь, частью своей гармонии. В принципе Ши в этом не сомневался. Он любил Учителя и знал, что Альый Беноль так же любит и его. Но получить еще одно, да столь явное и в то же время очень личное подтверждение этому знанию было очень волнительно и приятно...

Наконец Учитель пошевелился и повернулся к Ши:

— Рад тебя видеть, Ученик. Что послужило причиной моей нечаянной радости и привело тебя ко мне?

Оиентал склонил голову в скромном, но исполненном истинного счастья и бесконечной благодарности поклоне:

— Я думал, что еду к тебе по делу, имеющему отношение к будущему Решению, Учитель, но теперь понял, что истинной причиной моего прибытия является то, что я... очень соскучился.

— Ну да, — лукаво усмехнулся Беноль, — за четыре-то года можно было.

Ши слегка покраснел: действительно, в последний раз он посещал иуэлу Учителя четыре долгих года назад. А затем рассмеялся: Учитель был в своем репертуаре, никогда не упускал повода поддеть.

— Пойдем, — внезапно произнес Беноль, одним плавным движением поднимаясь на ноги.

Ши знал, что в молодости Учитель был известным танцовщиком, да и в те годы, когда Ши был его Учеником, Альый Беноль не оставил окончательно это занятие. Не было оснований думать, что изменилось что-то и сейчас. К тому же он знал: две из трех постоянных Возлюбленных Учителя также занимались танцами. Хотя сказать «занимались» о Исиле Лагенок, одной из самых талантливых танцовщиц современности, было бы верхом несправедливости. Да и в требованиях к Соискательницам, кои были заявлены в профиле Учителя на его портале, занятия танцами указывались в числе приоритетных. Ши и сам любил танцы, хотя в развитии телесного луча своей личности отдавал предпочтение водным видам. Он вообще любил воду. И потому морская терраса иуэлы Алого Беноя была и его любимым местом.

Они спустились на два уровня и вышли в Сад. Ши радостно рассмеялся: Учитель был стоек в своих привычках, поэтому на знакомом столике из цельного кристалла топаза их уже ждали две чашки крепкого, ароматного плое и тарелка с тонким, хрустящим миндальным печеньем — оно рассыпается в пальцах, стоит только чуть сильнее сжать в руках его невесомую, почти прозрачную пластинку. Учитель добродушно усмехнулся. О том, что его Ученик способен поглощать это печенье, изготовленное сервисию иуэлы, коробками и мешками, ему было известно.

— Клянусь, Учитель, — с чувством произнес Ши, усаживаясь на очередной отросток ковеоля, уже предупредительно развернувшийся на сиденье легкого стула рядом с кристаллом топаза, — я никогда и нигде не ел миндального печенья вкуснее, чем у тебя.

Беноль промолчал, но в глазах у него сверкнула искорка удовольствия.

Они не торопясь отведали плое. Традиции повелевали пить его в молчании, наслаждаясь цветом, вкусом, ароматом напитка, подаренного людям древними богами, чтобы те могли ощутить хотя бы тень Божественной Благодати, а также возможностью разделить все это с дорогим сердцу человеком. Ибо плое можно было пить только вместе с кем-то близким. На все остальные случаи были другие напитки, от кавы до растворов алкалоидов. Но плое...

— Итак, — негромко начал Учитель, ставя на поверхность кристалла опустевшую чашку, — ты желал меня видеть. Я рад. Но, как я понял, ты исполняешь не только твое личное желание, но и некое поручение Симпоисы.

Ши, уже допивший свой плое и просто вертевший в руках тончайшую чашку, любуясь изяществом формы, глубиной цвета и за-

конченностью рисунка, тоже поставил ее на топазовый столик и поднял на Учителя ясный взгляд глубоко посаженных ярко-синих глаз. Он знал, что красив, что талантлив, что силен и неутомим в любви, и потому у него никогда не было отбоя от Соискательниц, поскольку он предпочитал свободные отношения постоянным привязанностям. Хотя в последние пять лет Ориентал несколько остепенился и даровал постоянство Даэле Амбол, звезде телесных картин на воде, с коей познакомился как раз вследствие своего увлечения водными видами развития тела. За прошедший год они отдали друг другу не менее половины того времени, которое каждый из них сумел уделить Любви. Но вся красота и талант Ши меркли перед человеком, сидящим перед ним. Альый Беноль. Один из девяти Цветных, величайших ученых, коим общество Киолы даровало высшую долю Общественной благодарности, которую может получить человек. Даже если бы Альый Беноль решил устроить себе иуэлу, ничуть не уступающую этой — с ее террасами, садами, лужайками, водопадами и фонтанами, — где-нибудь на астероиде, благодарное общество предоставило бы ему возможность сделать это... Впрочем, нет, на астероиде ничего бы не вышло. Но причиной тому была бы отнюдь не скупость жителей Киолы или ее управителей...

— Да, Учитель! — почтительно кивнул Ши.

— И что им надо?

Ши ответил вопросом на вопрос — не сразу, а после короткой паузы, как будто спрашивать об этом Учителя ему было несколько неудобно:

— В курсе ли ты Большой дискуссии, которую ведет Киола?

Беноль молча склонил голову в знак согласия. И то, что Учитель предпочел выразить свое мнение так, жестом, заставило сердце Ши забиться слегка тревожно. Человек живет в гармонии, и любое его движение или слово, равно как и их отсутствие, могут многое сказать опытному взгляду и уху. Большинство жителей Киолы, правда, предпочитали более сосредотачиваться на выстраивании собственных гармоний, нежели изучать гармонии других, слишком просто и наивно трактуя общеизвестное положение о том, что свою гармонию невозможно выстроить, не взаимодействуя с гармониями окружающих, но Ши принадлежал как раз к развитому меньшинству. И знал, что подобная урезанная реакция означает неодобрение. Но к чему именно оно относится, пока было неясно.

— Тогда тебе известно, что более трети всех обладающих правами Деятельных разумных активно участвуют в этой Дискуссии. А если учитывать всех, кто высказал свое мнение хотя бы один раз, то это число приблизится к четырем пятым жителей планеты.

Ну, исключая Остров, конечно. Хотя и островитяне также затронуты куда сильнее, чем это случалось во времена предыдущих Дискуссий. Мы не можем отслеживать участие островитян столь же точно, как жителей остальной Киолы, но, по прикидкам, не менее четверти жителей Острова Дискуссия задела за живое. Такого не было со времен Потери!

Учитель усмехнулся:

— А что, вы отделяете Дискуссию от Потери?

Оиентал запнулся. Нет, в том, что Дискуссия *связана* с Потерей, никто и не сомневался, но вот то, что она *неотделима* от Потери, вызывало большие сомнения. Во всяком случае, в Симпоисе подобного мнения придерживалось абсолютное меньшинство. И сам Ши к нему не относился.

— По этому поводу есть различные мнения, Учитель, — дипломатично отозвался Оиентал. — В конце концов, Потеря случилась сто сорок лет назад. Прошло много времени...

— Но тебе эта точка зрения не кажется достоверной? — уточнил Беноль.

Ши мгновение помедлил, а затем качнул головой, показывая Учителю, что не испытывает желания углубляться в эту тему. Учитель ответил легким кивком, но атмосфера в Саду слегка сгустилась. Что ж, Оиентал и не ожидал, что они будут способны сохранить безмятежную гармонию, обсуждая то, ради чего он и отправился в гости к Учителю.

— Значит, Симпоиса склоняется к принятию Решения, — задумчиво произнес Беноль спустя некоторое время, когда ощущение сгустившейся атмосферы было слегка развеяно ароматами Сада.

— Не сиюминутно, — тут же отозвался Ши. — Но ты же понимаешь, Учитель, Симпоиса просто вынуждена отреагировать на такую Дискуссию. И мы очень боимся совершить ошибку. Поэтому я здесь.

Алый Беноль все так же задумчиво кивнул и откинулся на спинку стула. Оиентал молчал. Учитель размышляет. Если его размышления приведут к некоему выводу, который можно будет облечь в слова, мимику и жесты, он удостоит его ответом. Если нет — значит, и Ши, и Симпоисе придется подождать.

— Мы испугались, — негромко начал Учитель спустя долгое время. — Нет, не сейчас. Тогда. Сто сорок лет назад, когда случилась Потеря. Мы испугались...

Ши молчал, ожидая продолжения. Слова, только что произнесенные Учителем, отдавали банальностью. Ну, конечно, они испугались! А как еще может отреагировать общество, построенное на

Любви и Гармонии, когда на него из Бездны обрушивается *такое*? Но Ориентал знал, что даже банальность в устах Учителя всегда имеет свой, совершенно отличный от общепринятого смысл. И потому он немного напрягся, сосредоточившись на том, чтобы максимально точно уловить малейшие нюансы и оттенки того, что еще скажет ему Учитель. Когда общеизвестную истину произносит один из Цветных, не стоит морщиться — подобная реакция характерна для Деятельного разумного самых низших ступеней, способного оперировать лишь все теми же банальностями, причем всегда безапелляционно и громогласно. Но тем, кто относит себя к высшим ступеням, следует не отмахиваться от банальности, которая прозвучала в устах мудреца, а попытаться понять, почему он ее произнес.

— Нет, испуг перед насилием был объясним и оправдан, — неспешно продолжил между тем Учитель. — Для тех, кто исповедует Любовь и Гармонию, насилие неестественно и необъяснимо. Но мы испугались другого. Мы испугались изменения, собственного изменения...

Брови Ши дрогнули. Он почти справился с удивлением. Почти...

— Почему испугались, Учитель?! Мы *воспротивились* собственному изменению. Потому что оно означало потерю себя, потерю всего того, чего мы достигли за тысячелетия непрерывного развития. Разве это может быть поставлено нам в вину?

— И да, и нет, — все с той же неспешностью, показывающей, что он продолжает размышлять над этим, проговорил Учитель. — И да, и нет... Я не знаю, пока не знаю, в каком соотношении находятся эти «да» и «нет», но в том, что здесь присутствует и то и другое, я уверен. И я уверен в том, что в этой Дискуссии вы упустили вопрос, насколько плотно связан тот, как всем кажется, оставшийся в прошлом Испуг с тем, что происходит на Киоле сегодня. Вам, во всяком случае, большинству из вас — я имею в виду только тех Деятельных разумных, кои действительно способны разобраться в высших переплетениях Дискуссии и облечены доверием принятия решений, — вам кажется, что это совершенно разные вещи. А мне — нет... — Тут Беноль сделал короткую паузу и еще раз повторил: — Мне — нет.

Ши прикрыл глаза, постаравшись отстраниться от всего, что происходило вокруг, и полностью погрузиться в только что высказанное предположение Учителя. Он был не согласен с этим предположением, но оно исходило от Беноля. И это означало, что многое из того, что Ориентал уже считал обдуманым и даже очевидным, требовало нового обдумывания. На некоторое время в Саду вновь установилась тишина размышления — не абсолютная, а запол-

ненная легким шелестом ветвей, журчанием небольшого водопада и почти неслышным дыханием двух человек, погрузившихся в свои мысли.

— И все равно я не понимаю, Учитель, — произнес наконец Ориентал. — В первую очередь не понимаю того, что из всей связки Испуг — Гнев — Страдание, для того чтобы обозначить неотделимость, ты избрал только Испуг. Мне казалось более логичным...

— Ты потерял нить, — перебил его Учитель.

Неслышанно! Хотя Ши был и оставался, более того — сам продолжал считать себя его Учеником, он все же стал Свободным Ученым и членом Симпоисы, то есть принадлежал к тем, кто принимал решения за всю Киолу. Простое уважение требовало предоставить ему возможность закончить мысль. А Беноль его прервал. Неужели он, Ориентал, находится в плену столь глубокой ошибки, что это дает Учителю не только право, но и обязанность вытолкнуть его из тенет заблуждения, даже рискуя нарушить гармонию их разговора?..

— Я не имел в виду Испуг перед кем бы то ни было! Я говорю об Испуге перед тем, чем мы могли бы стать. Это не тот Испуг, который подразумевают, говоря о Потере. Это тот Испуг, о котором известно очень немногим. И судя по тому, что я не слышал ни об одной, даже очень ограниченной Дискуссии на сей счет, все эти немногие отчего-то хранят заговор молчания. — Тут Учитель сделал короткую паузу и, вернувшись от резкого, тревожного, диссонансного тона, который использовал в этом послыле, к задумчивому, закончил: — Возможно, потому, что никто не знает не только верного решения, но и путей его достижения.

В Саду снова на некоторое время воцарилась тишина, а потом Ши задумчиво проронил:

— Возможно, правильное решение состоит в том, чтобы разорвать связь между Испугом и действием.

— Правильное решение известно, и именно оно было принято, — отозвался Учитель. — И состоит оно в том, чтобы не изменяться. Но вот *правильное* ли оно? И не отвратило ли оно нас от *истинно верного* решения? Быть может, не изменившись, мы просто не способны ничего сделать с Потерей? И если это так, значит, мы потеряли более ста лет, в течение которых никто не пытался искать ответа на вопрос, как нам следует измениться.

— Но почему? — изумился Ориентал.

Однако Учитель не ответил на этот вопрос. Он еще некоторое время помолчал, а затем тихо, будто не Ши, а самому себе сказал:

— И где взять тех, кто поможет нам измениться?..

Однако Ориентал не сдался:

— Учитель, но почему ты так уверен, что мы обязательно должны измениться?

— Не уверен, — качнул головой Беноль, — совсем не уверен. И так же, как те, кто принял решение не изменяться, вижу всю опасность изменения. Мы действительно можем потерять себя. И уж точно мы станем другими. И еще более вероятно, что те, кем мы станем, не слишком понравятся нам сегодняшним.

Ши наморщил лоб. Ему казалось, что в рассуждениях Учителя нет никакой логики: Беноль полагает, что им необходимо измениться и что отказ от изменения губителен, но при этом считает, что изменение непременно сделает их хуже...

— Так в чем причина твоих сомнений, Учитель, в верности принятого решения?

— Я вижу очень большую вероятность того, что без изменения у нас нет никаких шансов вернуть Потерю.

— Как?! — Ши не верил своим ушам. Да вся Дискуссия развернулась только из-за того, что по всем расчетам, причем не просто инициативным, а проверенным и утвержденным Симпоисой, у них появилась реальная возможность в ближайшее время вернуть Потерю! Пусть и дорогой ценой. И сейчас основным вопросом Дискуссии было вовсе не то, возможно ли это, — в выводе, подтвержденном Симпоисой, никто не сомневался, — а то, не слишком ли велика цена... Учитель же утверждает — ну ладно, пусть предполагает, — что без изменения возвращение Потери просто невозможно! Если бы это заявил кто угодно, только не Альый Беноль... ну, или еще кто-нибудь из Цветных, Ориентал просто рассмеялся бы ему в лицо. Так противопоставлять свою гармонию всей остальной планете!.. Но Учитель...

— Ты... у тебе есть, чем обосновать свои предположения? — слегка севшим от волнения голосом спросил Ши.

Учитель пожал плечами:

— Кое-что, что пока не заслуживает внимания. Я еще работаю над этим. — Он улыбнулся. — Сейчас я занят другим, старым проектом, который отнимает все мое время, поэтому я и не посчитал себя вправе принять участие в Дискуссии. Моя позиция не полностью оформлена, и доказательства ее обоснованности пока не отвечают всем критериям научной достоверности. Так что, если бы Симпоиса не прислала тебя, я, вероятно, промолчал бы. Но скрывать сомнения от своего Ученика я не вправе.

Ши снова склонил голову, на этот раз благодаря Учителя за подобное отношение. Беноль в ответ снова ласково улыбнулся.

— Но что же тогда делать? — спросил Ориентал.